

Половая свобода и защита женщин: трудности раннесоветской уголовной кодификации

Старун М.И.

Сразу после Октябрьской революции перед советской юстицией была поставлена задача кодификации – создании принципиально новых кодексов, демонстрирующих ценности большевистского правительства, в том числе равенство прав мужчин и женщин и свободу сексуальных отношений. В уголовном праве эти новации должны были больше всего проявиться в трактовке половых преступлений, где жертвами в соответствии с классической юридической теорией обычно подразумевались женщины, а авторами насилия – мужчины. В данном докладе будет рассмотрена кодификация именно этого раздела в первые годы советской власти. Несмотря на общую прогрессивную направленность правовой политики, борьба за равенство полов и их половую свободу была усложнена необходимостью особой защиты женщин. Во-первых, как матерей, во-вторых, как более уязвимых по отношению к насилию, чем мужчины, что в обоих случаях требовало государственного вмешательства. Я рассмотрю эту амбивалентность в понимании половой свободы женщины в советском праве. Для этого я исследую процесс создания раздела о половых преступлениях в первом советском уголовном кодексе, причины трансформации этих статей и споры юристов по части их интерпретации. Стремление советских кодификаторов к фиксации половой свободы для всех и к защите женщин как отдельной группы реализовались там особенно явно. Под половыми преступлениями против женщин имеются в виду прежде всего те, которые касаются половой свободы. Проституция в этот период считалась прежде всего общественной проблемой, социальной болезнью, а не результатом чьего-то свободного выбора.

Спектр сексуального поведения, который контролировался кодексами в 1920-е гг., был наименьшим и наиболее гендерно нейтральным за всю историю российского права. Такой вывод не подразумевает, что раннесоветское законодательство было совершенным. Во-первых, само принятие кодекса было конфликтным и не самоочевидным, понятие половой свободы так и не было сформулировано в законодательстве, хотя и вошло в употребление юристов в результате публикации кодекса. Во-вторых, представления о половых преступлениях по-прежнему сохраняли ряд консервативных черт. В-третьих, раздел о половых преступлениях менялся на протяжении 1920-х гг. После группового изнасилования в Чубаровом переулке усилилась правовая кампания по контекстуализации изнасилования как хулиганства (*Naiman*, 1990), которую советские юристы оценивали по-разному. Подход к половым свободам постепенно трансформировался в сторону ужесточения, хотя радикальное изменение нормы об изнасиловании произошло только в УК 1960 г., когда его жертвой начало предполагаться только лицо женского пола.

Большевистское право, среди прочего, продолжало слепо относиться к сексуальным домогательствам по отношению к совершеннолетним женщинам, что приводило к криминализации лишь одного вида сексуальных действий, совершенных без согласия. Мой аргумент состоит в том, что советские юристы стояли на наиболее эмансипаторных позициях среди других большевистских деятелей, формирующих дискурс о сексуальности. В таком случае правовые трансформации первого десятилетия советской власти можно интерпретировать как очередную волну реформ, во многом аналогичную 1860-м гг. XIX века. Последний период Татьяна Борисова и Джейн Бербэнк назвали странным исключением из траектории развития права в России, однако 1920-е во многом повторяют его достижения, хоть и в более короткий промежуток времени.

В докладе я продемонстрирую, что после революции большевики дали однозначный ответ на существующие в имперской России сложности в доказывании вины и доминирования мизогинных представлений о насилии против женщин. Однако стремление к утверждению половой свободы встречало другую задачу правительства – защиту женщин. Я рассмотрю, как две эти тенденции взаимодействовали во время процесса кодификации. Сначала я рассмотрю некоторые аспекты последнего дореволюционного кодекса – Уложения 1903 г., на который в интересующем меня разделе преступлений против личности ориентировались советские юристы. Далее последовательно будет рассмотрено военно-уголовное законодательство о половых преступлениях, несколько проектов первого уголовного кодекса – от эсеровского проекта до финальной его версии, а также интерпретации этих статей юристами после публикации УК в 1922 г. Половая неприкосновенность была провозглашена правом советской женщины, любого класса и статуса. На практике это право совсем не всегда было реализовано, но появление этих статей в УК однозначно улучшило ситуацию с сексуальной безопасностью женщин в РСФСР.